

*Сергей
Петров*
(1911–1988)

ПОЭЗИЯ

Петров Сергей Владимирович, уроженец Казани (1911–1988), учился в Ленинграде, был арестован – о счастье! – ещё до убийства Кирова (если бы после – не посадили бы, а просто к стенке поставили), сидел в «советской одиночке» (это такая одиночка, в которой находились по 10–12 человек и где филолог Петров выучил латышский язык со слов неграмотного сокамерника латыша), в общей сложности провёл в тюрьмах, лагерях и ссылках больше двадцати лет. Затем в Новгороде был принят (как переводчик) в Союз писателей СССР.

Было немало странностей в его творческой судьбе. То он вдруг писал стихи на шведском, то на исландском.

А в принципе, всю жизнь творил на драгоценном, только петровском русском, который и без словаря-то в его исполнении не всегда поймёшь, ибо русский язык Петрова – не боимся преувеличения – один из самых богатых в XX веке

Женский портрет

Дочурку чудную баюкая,
разнеженная в прах и в пух,
тысячегрудая, сторукая,
стоишь под завистью старух,

блестишь здоровьем в палисаднике,
свежа, как утренний надой,
и за тобою день на заднике
написан краской молодой.

На нём в воздушной пене мылятся
пелёнки или облака,
и ты сияешь, мать-кормилица,
слепой бутылью молока.

Похвальное слово Ломоносову

Грома, искр и льда философ,
самый ражий из детин –
славься, славься, Ломоносов,
молодой кулацкий сын!

Ты оттуда, где туманы,
где валится с неба снег,
вышел, выродок румяный,
всероссийский человек.

Средь российския природы
ты восстал, высоколоб,
и заслуживаешь оды
на покрытый мраком гроб.

С миром Божьим в неполадке,
рубишь воздух сгоряча,
и камзол учёной складки
сбросил с крепкого плеча.

На тебе парик с хитринкой,
пряжки звонко блещут с ног.
Вспомни, вспомни, как с Катринкой
ты в немецкий шёл шинок.

Слово славы между прочим
ты вписал себе в итог,
над столом клоня рабочим
пукли мудрой завиток.

Век, идеями чреватый,
пал, как хмурая пора,
под полёт витиеватый
лебединого пера.

Ты взойдёшь, подобен буре,
на дворцовое крыльцо
и в лицо самой Натуре
влепишь русское словцо.

В ледовитый мрак полмира
погружается кругом.
Блещет Северна Пальмира,
озарённая умом.

Над тобою, трудолюбом,
первый рокот лирных струн.
И Нептун грозит трезубцем,
и свергает Зевс Перун.

А когда природа кучей
свалит всё на дно ночей,
ты, парик закинув в тучи,
гром низвергнешь из очей.

Mir zur feier¹

1

Я родился в Благовещенье.
 В этот день отчего-то птицы
 гнёзда себе не свивают –
 и у птиц есть свои приметы.
 Что же я за птица такая,
 каковы у меня приметы?
 До сих пор себе не отвечу,
 но сдаётся, ей-богу, право,
 что не важная пава, не попка,
 не индюк, краснозадый чиновник,
 не щебечущая канарейка,
 не орёл-стервятник, не коршун,
 и не серенькая пичужка,
 не воробышек никудышный,
 не кукушка-вещунья, не чижик,
 не очкастый учёный филин
 и не сокол удалый я.
 Дай то Боже, чтоб был я, как в сказке,
 заурядным гадким утёнком.
 Пусть бы мне и вовек не сбросить
 серой утицы оперенья,
 не пускаться в путь лебединый –
 но молю Тебя, Господи, дай мне
 пред самим собою, не боле,
 спеть свою лебединую песню!
 Добрый Боже мой, старый сказочник,
 чуть насмешливый древний Андерсен,
 расскажи мне другую сказку,
 ту, в которой не бездыханным
 богдыханом чопорным буду,
 не дурацким китайским императором,
 не заводной игрушкой,
 а пичужкой многоголосой,
 соловьём, побеждающим смерть!

2

Я родился в Благовещенье.
 То во городе было во Казани,
 на вонючей речонке Булаке,
 в доме Плюшкина Пастухова,
 ну а номера я не помню.
 Ишь, какая скверная память!
 Забывает важную мелочь,
 а хранит ненужное горе.

¹ Себе к празднику (нем.). Название заимствовано у Рильке.

Ой ты гой еси, горе луковое,
кабы памяти ты очи выело,
словно дымом горьким, и сослепу
она по миру нежной нищенкой,
тихо жалуясь, побежала бы.

Я родился в Благовещенье.
Боже, Боже тысячекратный мой!
Дай увидеть мне день рождения!
Чтобы я без ума, без памяти,
словно слово, на ветер брошенное,
словно семя, таящее дерево,
многошумное, многолистное,
прошумел над жизнью своей!
Дай увидеть мне день рождения,
дай опять состариться заново!

1943

* * *

Очень нежной тишиной
окружён я, как женой,
и просторными руками
комнатёнку охватив,
тихо, как немой мотив
над глубокими веками
мыслей, чаяний и книг,
ничего не замутив,
образ женщины возник,
той, которой нет в помине,
той, которой в мыслях нет,
и в лимонно-кислой мине
я погряз, – но мой портрет
стал от этого не хуже,
ибо тише, уже, туже
очень нежной тишиной
окружён я, как женой.

1944

Надгробие

Когда умру, оплачь меня
слезами ржи и ячменя,

прикрой меня словами лжи
и спать под землю уложи.

Я не хочу, чтоб пепел мой
метался в урне гробовой,

стучал, закрытый на замок,
в кулак слежавшийся комок.

Когда умру, так спрячь
меня под песни ржи и ячменя,

чтоб вяз свой воз зелёный вёз,
чтоб, наливаясь, рос овёс,

отборным плачучи зерном
по ветре буйном, озорном.

Земли на грудь щепотку брось
мне как-нибудь и на авось.

Авось тогда остаток мой,
согретый чернозёмной тьмой,

взбежит свободно и легко
по жилам, словно молоко.

И ты придёшь, опять хорош,
смотреть, как в дрожь бросает рожь,

когда желтеющим лицом
тебе навстречу, агроном,

сквозь даль лесную я блесну,
напомнив молча про весну,

когда, волнуясь и шумя,
взмолюсь: «Помилуй, Боже, мя».

1947

Сад и небо

От души открыт вечерний сад.
В нём высокий соловьиный воздух,
где сердца на ниточке висят,
а птенцы, теплея, дремлют в гнёздах.

Всем умом молчит небесный свод,
в откровеньях тишины темнея,
ждёт студёной тьмы круговорот,
и повисли звёзды, цепенея.

Что же купы ночи ворошить,
что кусты ерошить и ершиться?
Можно жить, про счастье ворожить,
а в вершинах вечное вершится.

Кто я? Птенчик, павший из гнезда,
хилый писк без стопа и рыданья?
Или запоздалая звезда
на морозной тризне мирозданья?

1951

Тело

Было тело, ходило тело,
пило, ело, зябло, потело.
Спускалось под землю,
в выси летело, делало дело,
достигала предела.
Было тело, жило тело,
баклуши било, толстело, худело.
Было тело, любило тело,
кружило, дружило,
крутило-вертело,
билось, тряслось, рвалось, хотело,
в поры дудело, трубило, свистело.
Было тело, гудело тело.
От жарких мыслей вовсю размышлялось,
по кинам да по бабам до спазмы шлялось...

Было тело, жило тело,
и жить ему не осточертело.

Поехало тело греться на юг,
а там его солнышком тюк да тюк!
И пало тело, как с туком тюк,
и стукнулось так, что пришёл каюк.

Тело – было, тело – жило.
Тело срок свой отслужило.
Тело руки
крестом сложило
и обязанности
с себя сложило.

1964–1966

* * *

Я не сею и не жну,
и не заседаю,
и персидскую княжну
в воду не кидаю.

Я по Волге не ездок
и совсем не Разин.
Я наверное бы сдох,
Если б не был разен.

Нынче этак, завтра так,
А потом разздак!
То потомок на пятак,
то на грошик предок.

Говорят, что я блажной.
Очень может статья.
Но персидскою княжной нечего кидаться.

1968

Танцевальная сюита

Елене Шварц

1. Прелюдия

Чадит заря, как жирная жаровня,
мясисто липки вещи поутру.
И кажется – ты мне по крови ровня,
а может быть, и по нутру.

Подул рассвет старинный, крылья вертит
у мельницы безбожно-ветряной,
и имя, словно циркулями, чертит
окружность ночи нутряной.

Окружность превращается в окрестность,
окрестность вдруг идёт, как голова.
Противна трезвость, как противна пресность.
Нальём вина в стеклянные слова!

И чокнемся наперекор здоровью,
чтобы пошёл умалишённый звон!
Большой невиданно-неслыханной любовью
изгоним беса мирной меры вон!

Ведь ум – содом, а чувства – лишь хвороба,
и здравствовать я не желаю зря.
И пусть с тобой мы чокнутые оба,
зато нам заменяет ум нутроба.
Живём без гармонического гроба.
Сожрём, что нам нажарила заря!

20 июня 1974

2. Гавот

(см. «Гавот» Глюка Брамса)

Бегают, как дети,
пальцы на спинете...
Сладко
гладко
жить.
Ты – моя *gavotta*,
и с тобой охота
взглядом
рядом
быть.

Сам с тобою рядом,
ну, а думаю на дом

надо
немо
несть.
И опять забота:
ты – моя *gavotta!*
Спада
тема
есть!

Всё – как в мадригале,
только нарыгали
море
горя
мы.
Ты – моя *gavotta!*
То-то и оно-то!
Как за нотой нота,
все мы
темы
тьмы.

3. Марш

(см. «Афинские развалины» Бетховена)

Топай,
Груша!
Хлопай,
Глаша!
Петлёй затянулась доля наша!
Штопай,
Юлька!
Лопай,
Любка!
Всё, что попадётся, клюй, голубка!
Чёрным маршем
в пику старшим!
Юбочкою – душенька, тельце – фаршем.
Пей же
склянку!
Бей
по банку!
Всё ведь так и вывернется наизнанку.
Марш так весел
возле чресел!
Что же твой любовничек нос повесил?
Ты для форсу
выпей морсу,
ибо всё равно ведь
надо приготовить
жизнь на фарш.

И за фаршем к ОРСу
марш!
марш!
марш!

24 июля 1974

4. Гопак

(см. «Гопак» Мусоргского)

Пей, лей, не желей!
Бей тузами королей!

Прогуляй от ночки к ночке
все последние денёчки!

Напиши, надыши
чтонибудь и для души!

Жил когда-то молоденок,
не тужил, что мало денег.

Нагреши, нагреши
на последние гроши!

Будет дорог каждый грош
перед тем, как помрёшь.

Поскачи, попляши
на последние шиши!

Но скачи не в одиночку –
пригласи на пару ночку!

Пей, лей, не желей!
Бей тузами королей!

Не с руки, так с ноги!
Не желей сапоги!

Всё настанет, а пока –
гопака, гопака!

Всё равно ведь явится
последняя красавица.

Ты за ней! Ты за ней!
(Снег как смех из под саней).

Вздыбилась она плечами,
вертит чёрными очами.

Кнут – тут. Бей коней!
Погоняй же нежней!

Вскачь, в ухаб и в обочь!
Пусть же сердце щемит,
а последняя ночь
под копытами гремит!

Пей, лей! Бей коней!
И за ней, и за ней!

А проснёшься поутру –
тпру!

10 июля – 12 сентября 1974

5. Русская плясовая

Ах ты, сукин сын, поганенький мужик!
Ты за что про что меня не разложил?
Али я тебе бы, дурень, не дала?
Али были неотложные дела?
Али я тебя глазами не пекла
заковыристыми?

Светит месяц, светит ясный!
Свесил свет он сверху вниз.
Где ж ты, друг мой распрекрасный?
Поскорей ко мне вернись!

Мчатся тучи, вьются тучи.
Завихряется тряпье.
Словно фюеры и дучи,
или словно потрох сучий,
по большой навозной куче
входят в царствие твоё.

Ты Подгорна, ты Подгорна,
ты Подгорна улица!
И к кому же я покорно,
и к кому же я пригорбно
сумею пригулиться?

Ах ты, сукин сын, безжалостный мужик!
Как с пожара, он от женщины бежит.
Он бежит, и вертится, и крутится.
Али сладко было обанкрутиться?
Ай, глупы умы!
Не видать им кумы!
Ой, кумушка!
Ой, голубушка!
Ой, думушка
задушевная!

Раз пошла такая пьянка,
режь остатки соловья!
Сербиянка, сербиянка,
сербияночка моя!

3–14 сентября 1974

6. Польша

Польша, полька, полечка!
Полюби хоть столечко!
Задушевный мой дружок,
полюби хоть на вершок!

Погоди, Володенька!
Я ещё молоденька.
Дай-ка сроку – подрасту,
будет и любовь с версту,
с версту, с версту, с версту, с версту
да с коломенскую.

Польша, полька, поленька!
Доля, долька, доленька!
И чего ты, Поленька,
всё ещё не голенька?

Уж такая наша доля,
что у нас всё впереди.
Выходи скорее, дроля,
чаще замуж выходи!

Будет всё, как ты просила,
только кликни-позови!
С лёгкой долькой апельсина,
с красным яблочком любви.

11–20 сентября 1974

* * *

Тучи громыхали, серые, как танки.
А старик рыбачил с моста на Фонтанке.
И была Фонтанка тихой, как болото,
так что вяз в ней цокот лошадёнок Клодта.
При луне волшебной старичок рыбачил,
словно дряхлый призрак, душу раскорячил.
Сух он был, как палка, и немножко нервный.
Лез на небо в тучи замок Инженерный,
и воспоминаний тёмные останки
плыли под луною по краям Фонтанки.
Трепыхалась нежно бабочка бывшего
на крючочке востром возле рыболова.

Было дальней жизни старику не жалко.
Глядь – из вод поганых выплыла русалка.
При луне студёной голизною блещет,
по воде ногами, как хвостищем, хлещет,
на уде взлетая, шлёпается грузно,
и блестит, играет шёлковое гузно.
Тут совсем не стало сил у бедолаги,
вытянуть русалку не было отваги.
И у ней-то, видно, не осталось силы,
у былой русалки, – рот перекосило,
и в ночи несчастной, при луне советской
искажилась харя мукою мертвецкой.
И ушла русалка на свою свободу –
в глубину речную, в ледяную воду.
На реке Фонтанке кончилась рыбалка,
и в обнимку с дедом уплыла русалка.

1980

* * *

Всё думаю о том, как я умру,
подхваченный великой лиховестью,
воспринимая смерть как жуткую игру,
за коей следует мой путь к бессмертью.
Не может быть, чтобы я умер весь,
останется меня хоть малая частица.
Сознание моё хоть саваном завесь,
дабы я мог к бессмертью причаститься.
Очнись в беспмятстве, в загробной глубине,
и врач свидетельство о смерти мне напишет
рукой бестрепетной, а мне во смертном сне
всё будет чудиться, что кто-то рядом дышит.
Начну я после смерти тоже жить,
не старчески, а как ребёнок малый,
и станет смерть мне голову кружить,
затем что жизнь меня не понимала.
Моя злосчастная бессмертная душа
и после смерти ухитрится
всё повторить, сомнение глуша,
и жизнь моя посмертно повторится.

1983